

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Куприн

Голос оттуда

«Public Domain»

1915

Куприн А. И.

Голос оттуда / А. И. Куприн — «Public Domain», 1915

«В то время небезызвестный ныне писатель Александров был наивным, веселым и проказливым подпоручиком в одном армейском пехотном полку, который давно вписал свой номер и свое название кровавыми славными буквами на страницах истории земного шара...»

Александр Иванович Куприн

Голос оттуда

В то время небезызвестный ныне писатель Александров был наивным, веселым и проказливым подпоручиком в одном армейском пехотном полку, который давно вписал свой номер и свое название кровавыми славными буквами на страницах истории земного шара.

Подпоручик часто подвергался домашнему аресту то на двое, то на трое, то на пятеро суток. А так как в маленьком юго-западном городишке своей гауптвахты не было, то в важных случаях молодого офицера отправляли в соседний губернский город, где, сдав свою шашку на сохранение комендантскому управлению, он и отсиживал двадцать одни сутки, питаясь из жирного котла писарской команды. Проступки его были почти невинны. Однажды он въехал в ресторан на второй этаж верхом на чужой старой одноглазой бракованной лошади, выпил у прилавка рюмку коньяку и благополучно, верхом же, спустился вниз. Приключение это обошлось для него благополучно, но на улице собралась огромная любопытная южная толпа, и вышел соблазн для чести мундира.

В другой раз на него обиделась в собрании во время танцевального вечера полковая дама, «царица бала», как пышно и жеманно тогда выражались. Она сидела у открытого окна – дело было раннею весною, а внизу, глубоко под окном, оттаявшая густая земля сладко и волнующе благоухала, – и окруженная общим льстивым вниманием дама раскокетничалась:

– Все вы поете мне только вздорные комплименты, но никто из вас не докажет, что он – настоящий рыцарь. Вы говорите, что готовы умереть за один мой благосклонный взгляд? Ну, так вот, я предлагаю мой поцелуй тому, кто ради меня спрыгнет с этого окна.

И едва она успела договорить, как ловкое, гибкое тело мелькнуло в воздухе и ухнуло вниз, в темный пролет. Александров даже не коснулся ногами подоконника, а просто перепрыгнул через него, как лошадь через барьер. Он даже не вскрикнул, когда упал на четвереньки на землю. Без посторонней помощи поднялся он наверх в танцевальный зал. Он был бледен, перепачкан, но весел. С низким и, как ему казалось, придворным поклоном склонился он перед дамой и сказал:

– Сударыня, я не шиллеровский герой. Любой из офицеров нашего полка сделал бы это гимнастическое упражнение. Но... если можно... позвольте мне отказаться от вашего поцелуя.

В таком же духе были и все его ребяческие шутки. Ничего ему не стоило зимою выкупаться в проруби или стать у стены залы офицерского собрания с яблоком на голове и, чувствуя сладкий холодок в сердце, ждать меткого выстрела через две большие комнаты. Жалованья Александров никогда не получал – все оно шло на погашение долгов. Подпоручик только расписывался сбоку: «Расчет верен, такой-то».

Поэтому нет ничего удивительного в том, что товарищам удалось убедить его посетить спиритический сеанс – один из тех сеансов, которые устраивались раз в неделю, с пятницы на субботу, у отставного полковника (или даже, кажется, майора) Мунстера. Сам Мунстер был курьезнейший человек, похожий на сказочного немецкого гнома: маленький, с длинной бородой, с толстым, лысым, красным, шишковатым черепом, в очках; брюзга, скупец и деспот в семейной жизни. Например, он по целым месяцам не решался купить жене галоши или детям теплые зимние пальтишки или отдать старшего сына в гимназию. Но достаточно только было духам на сеансе приказать ему это сделать, и он исполнял беспрекословно веления загробных жителей. То же бывало и с вечерней закуской. Стол выстукивал: «Медиум не воспринимает токов. Голоден. Дать ему подкрепиться вином, селедкой и мясом». Мунстер кряхтел, но закуска все-таки появлялась.

И все в таком же роде. Правда, кормили у Мунстера гораздо хуже, чем даже в собрании, но зато в спиритических сеансах была прелесть веселой, хотя и грубой шутки. А старенькая

забитая жена полковника и дети были верными невольными нашими укрывателями и союзниками.

Подпоручик Александров сразу проявил себя медиумом мощностью в несколько десятков лошадиных сил. Даже самый первый его визит в дом Мунстера был поразителен как истинное чудо.

Предупрежденный заранее и подчитавший кое-что по литературе неизъяснимого, Александров задрожал еще в передней и вдруг, как был в пальто, фуражке и глубоких галошах, закрыв глаза рукою, ринулся в гостиную. Здесь он остановился перед большим, аршина полтора в квадрате, увеличенным фотографическим портретом, изображавшим какого-то пожилого штатского с задумчивым взором и в усах, и вскричал:

– Это он! Да, это он! К нему влекла меня неизвестная сила флюидов!

Это был поясной портрет известного польского писателя и спирита Охоровича.

Вокруг его лица была печатная надпись латинским шрифтом, огромными буквами:

POLKOWNIKOWI TEODOROWI MUNSTEROWI

PIERWSZEMU KRZEWICIELOWI SPIRYTYSMU

NA PODOLU¹

И тотчас же, сконфузившись, он забормотал, пятась назад:

– Прошу простить меня... Я сам не ожидал, что поступлю так неловко... Подпоручик Александров... очень прискорбно... это было точно во сне...

Но Мунстер уже заключил его в горячие объятия, и назвал его своим сыном, и предсказал ему огромную будущность.

И верно, никто из предыдущих и последующих медиумов не превзошел Александра. В его присутствии столы, стулья, гитары и лампы летали по воздуху; играло пианино, материализованные духи танцевали в темноте и позволяли себя снимать рядом с медиумом; в воздухе проносилось гробовое дыхание; падали на стол полевые цветы... Когда же загробные гости звонко шлепали полковника по обширной лысине, он умиленно, дрожащим голосом лепетал:

– Благодарю вас, добрые духи... Благодарю вас...

Умиленный Мунстер уже собирался женить подпоручика на своей старшей дочери. Десяти тысячный реверс оказался пустяком для хитрого запасливого старика.

Но вот что случилось. В одну из пятниц подпоручик пришел к Мунстерам чересчур рано. Никто еще не собрался, и было скучно. Нетерпеливый «насадитель спиритизма на Подолии» предложил подержать столик втроем: он, его жена и Александров. Сделали цепь. Посредине положили чистую аспидную доску и грифель. Подпоручик ясно помнил, что его левая лежала на правой руке полковника, а правая – на левой руке Эмилии Карловны. И как всегда, как бывало много раз раньше, мадам Мунстер охотно уклонила свою руку, чтобы предоставить медиуму полный простор в действиях.

И в эту минуту грифель бешено застучал по доске. Этого не мог сделать Мунстер. Он был левшой. Да и быстрый темп письма отразился бы на колебаниях его тела. Эмилия Карловна

¹ Полковнику Теодору Мунстеру – первому насадителю спиритизма на Подолии (*польск.*). Здесь и далее редакторские примечания обозначаются цифрами, примечания А. И. Куприна – звездочками.

никогда не решалась и ни за что не решилась бы выступать самостоятельно. Волосы на голове Александрова поднялись вверх и сделались тверды и жестки, как стеклянные.

Когда карандаш перестал выстукивать, подпоручик сказал вздрагивающим голосом:

– Пожалуйста... свет... дайте света.

Вытащили из-под портьеры лампу, припустили фитиль. Все трое были бледны и серьезны. А на доске тянулись ряды правильных точек и тире. И Александров первый догадался, что это – знаки телеграфной азбуки по системе Морзе. Но прочитав текст он не мог – не умел. В тот же вечер он понес доску для прочтения своему горбатому приятелю, станционному телеграфисту Саше Врублевскому. Тот долго вертел ее в руках, приглядывался и даже принохивался. «Черт знает, – говорил он задумчиво, – это, несомненно, телеграфные знаки, видна верная, трезвая рука, но, черт знает, я никак не могу уловить смысла». Потом он вдруг ударил себя по лбу и радостно воскликнул:

– Одна секунда! Я нашел! Это сигнализировано снизу вверх или справа налево. Зеркало! Я могу прочесть по отражению в зеркале.

Принесли из дамской уборной зеркало, и Врублевский прочитал глухим, но внятным голосом те слова, которых Александров не мог забыть никогда в своей жизни и после которых он уже больше не шутил со спиритизмом.

– «Мы одиноки и равнодушны. У нас нет ни одного человеческого земного чувства. Мы одновременно на Земле, на Марсе, и на Юпитере, и в мыслях каждого существа. Нас много – людей, животных и растений. Ваше любопытство тяжело и тревожно для нас. Наша одна мечта, одно желание – не быть. (Подчеркнуто на доске...) В ваших снах, в инстинктах, в бессознательных побуждениях мы помогаем вам. Нам завиднее всего вечное забвение, вечный покой. Но воля, сильнее нашей...»

Тут шрифт обрывается резкой каракулей, точно кто-то грубо оттолкнул пишущую руку.